

Эдм. Лукаръ.

1

ОБЪ АДВОКАТЪ

(ПАРАДОКСЪ).

(Paradoxe sur l'Avocat).

ПЕРЕВОДЪ СЪ 3-ГО БЕЛГІЙСКАГО ИЗДАНІЯ

ПРИСЯЖНАГО ПОВѢРЕННАГО М. КЕТРИЦЪ.

ВЫСОЧАЙШ. УТВЕРЖ. ТОВАРИЩ.

СКОРОП. А. А. ЛЕВЕНСОНЪ МОСКВА.

1898.

+

Визир
Р. С. / 24.

Доволено цензурою. Москва, 1 декабря 1897 г.

APR 4 1930

201
1

Въ европейской юридической литературѣ уже много написано по поводу адвокатскихъ профессиональныхъ обязанностей и ихъ сословной этики. Работы Cresson'a, Camus'a, Dupin, Mollet и Liouville'a хорошо знакомы читающимъ и частью переведены на русскій языкъ.

Замѣчательно талантливый, остроумный и всей душой преданный своей профессіи, а потому и защищающій ея свободу и традиціи, Бельгійскій адвокатъ, публицистъ, профессоръ и сенаторъ Эдмондъ Пикарь сумѣлъ снова затронуть эти же вопросы этики и организаціи адвокатуры съ такой стороны и въ такой изящной формѣ, что они опять пріобрѣли прелесть новизны, рѣдкую по глубинѣ взгляда обработку, и его книжка мо-

жетъ стать украшеніемъ библіотеки адвоката.

Въ концѣ прошлаго столѣтія энциклопедистъ Дидро написалъ „Paradoxe sur le comédien“. Сходство и аналогія въ содержаніи толкнула Э. Пикара озаглавить и свою работу „Paradoxe sur l'avocat“, хотя въ дѣйствительности это не парадоксъ, а скорѣе этюдъ по психологіи честнаго и талантливаго адвоката. Тутъ пекущійся о достоинствѣ и независимости сословія какъ въ зеркалѣ увидить свой идеаль.

Нѣтъ другой профессіи, въ которой контрастъ между требованіями дѣйствительной жизни (порой весьма грубыми) и идеаломъ, проявлялся бы такъ рельефно, какъ въ адвокатурѣ: съ одной стороны, очень часто благія, самыя чистыя намѣренія, самое страстное безкорыстное увлеченіе принятыми на себя обязанностями, — съ другой стороны, масса непріятнѣйшихъ столкновеній и недоразумѣній, являющихся неизбѣжнымъ результатомъ разныхъ и часто прямо проти-

воположныхъ интересовъ сторонъ въ процессѣ. Я не встрѣчалъ работы, гдѣ были бы болѣе глубоко затронуты вопросы нашей этики и высказаны болѣе возвышенныя понятія о призваніи и задачахъ адвокатуры; во всякомъ случаѣ въ нашей отечественной литературѣ нѣтъ ничего подобнаго. Наше молодое сословіе, самое юное во всей Европѣ, очень быстро и удачно развившись, не овладѣвъ еще всѣми качествами старыхъ, взятыхъ прототипомъ барро Западной Европы, быстро усвоило ихъ слабыя стороны. Потому ли, что условія дѣятельности адвокатуры вездѣ болѣе или менѣе одинаковы, потому-ли, что дурное воспринимается легче хорошаго,—но всѣ несовершенства корпоративнаго устройства и обусловленные ими изъяны въ дѣлѣ служенія профессіи проявились и у насъ.

Упраздненіе или доведеніе до простой формальности стажа, узкая спеціализація, смѣшеніе дѣятельности адвоката съ работой маклера или ко-

миссіонера, посвященіе себя конкурснымъ дѣламъ по преимуществу, совершенно одностороннее образованіе и невѣдѣніе всего, что не входитъ въ кругъ чисто юридическихъ наукъ и т. п. — вотъ язвы, развѣдавшія сословіе на Западѣ и наблюдаемыя у насъ. Но въ старыхъ корпораціяхъ, каковы французская, бельгійская и имъ подобныя, язвы эти не такъ опасны, и печальные примѣры не такъ заразительны какъ въ сословіи молодомъ, начинающемъ: ихъ болѣе созрѣвшимъ организмамъ легче справиться со всякимъ недугомъ, нежели нашему юному и не обладающему всею полнотою силъ. Въ то время, какъ въ старыхъ барро, какъ, на примѣръ, парижскомъ, ведущемъ свое прошлое съ XIII вѣка, есть традиціи, исторически сложившіеся принципы, установившіеся безспорныя истины, у насъ нѣтъ ни крѣпкихъ преданій, ни исторіи сословія, образцовъ для подражанія и тѣхъ очень мало, да и они случайно извѣстны лишь близкимъ людямъ.

Въ то время, какъ на Западѣ счи-

таютъ незыблемой истиной, что адвокатура, въ видѣ самостоятельной и самоуправляющейся корпораціи, наиболѣе способна справиться съ возлагаемыми на нея задачами,—у насъ въ проектахъ улучшенія уставовъ, намѣчается мысль подчиненія адвокатскаго сословія надзору прокуратуры. Такимъ образомъ свободную профессію намѣреваются поставить въ подчиненное, почти служебное положеніе, на ряду съ обязанностями и ограниченіями котораго члены корпораціи не надѣляются соответствующими преимуществами.

Ущербъ началу свободы профессіи наносится и въ проектируемомъ нынѣ совмѣстительствѣ званія присяжнаго повѣреннаго съ должностью чиновника—юрисконсульта, повѣреннаго по дѣламъ казенныхъ управленій; ущербъ тѣмъ труднѣе поддающійся оправданію, что чиновнику для веденія казенныхъ дѣлъ столь-же излишне присвоивать званіе свободного адвоката, какъ послѣднему для той же цѣли облекаться въ должность чиновника.

Вотъ какъ шатки, какъ неустойчивы у насъ убѣжденія, какъ мало святыхъ неизблемыхъ принциповъ!

Вотъ почему именно теперь предлагаемая книжка можетъ быть рекомендована какъ *vademecum* каждому, кто любитъ профессію, какъ свободное призваніе, а не какъ ремесло, находитъ въ трудахъ, профессіей обусловленныхъ, источникъ внутренняго удовлетворенія и трепещетъ за ея будущее...

Читая ее онъ увидитъ, что если не у насъ, то тамъ, гдѣ то далеко, есть еще борцы за процвѣтаніе, достоинство, свободу и независимость адвокатуры.

М. Кетрицъ.

10 января 1898 г.

ОБЪ АДВОКАТЪ

(ПАРАДОКСЪ).

Въ 186... г. я поступилъ въ сословіе адвокатовъ, записавшись въ стажіеры къ Х.

Тѣ изъ жителей Брюсселя, которые 10 лѣтъ тому назадъ имѣли какое-либо соприкосновеніе съ жизнію юридическаго міра, хорошо помнятъ эту оригинальную личность, похищенную безжалостною смертію въ эпоху полного развитія силъ и зрѣлости...

Маленькій ростомъ, онъ некрасиво выглядѣлъ въ мантии, драпировка которой требуетъ извѣстной дородности и представительности. Онъ былъ изъ тѣхъ особенныхъ рѣдкихъ натуръ, въ которыхъ повышенная нервность соединяется съ сильнымъ мускульнымъ развитіемъ. Широкія плечи, немного кривыя ноги, вѣр-

ная походка, все это придавало его коренастой фигурѣ мощный, устойчивый видъ. Онъ перешелъ за сорокъ лѣтъ, усы его начинали уже сѣдѣть, а большіе темные глаза сохранили еще стальной блескъ, оживлявшій его смуглое лицо съ выразительнымъ ртомъ, правильнымъ и рѣзкимъ подбородкомъ. Лицо его, съ перваго взгляда, поражало глубиной интеллигентности, хотя его лобъ, окаймлявшійся тщательной прической, былъ и не высокъ; въ его костюмѣ была какъ-бы претензія даже на элегантность, но детали костюма часто не отличались вкусомъ и заставляли желать многого.

Въ описываемую эпоху онъ былъ въ апогеѣ своей адвокатской славы, достигнутой имъ благодаря рѣдкому сочетанію прекраснѣйшихъ врожденныхъ дарованій и упорной неутомимой работы. Онъ подошелъ къ тому зениту жизни, гдѣ силы проявляются въ ихъ полномъ блескѣ, къ тому зениту, къ той апогеѣ, которую онъ самъ считалъ лишь новой точкой отправленія, признакомъ приближающагося от-

дыха.... оказавшагося, къ сожалѣнію, вѣчнымъ.

Всѣ, знавшіе его со дня поступленія въ сословіе, могутъ засвидѣтельствовать, что онъ никогда не тратилъ времени попустому. Его первыя попытки въ защитахъ не были счастливы и на него ссылались, какъ на примѣръ, подтверждающій то положеніе, что только плохіе дѣбюты въ защитахъ и приносятъ счастье, ибо въ адвокатурѣ, больше чѣмъ гдѣ-либо, надо умѣть начать съ ничего, чтобы стать чѣмъ-нибудь. Но съ тѣхъ поръ прошли уже годы, и, не взирая на препятствія, побуждавшія его лишь къ большей независимости (которую современные умники объясняли и называли его неопытностью и неловкостью), среди постоянной борьбы онъ прочно и вѣрно проложилъ свой путь.

Его адвокатская карьера была преисполнена жестокой и мучительной борьбой потому, что, если въ нашей дѣятельности трудно достигнуть успѣха, то еще труднѣе заставить другихъ простить

этотъ успѣхъ. Тутъ, какъ и вездѣ, завязывается борьба, и больше чѣмъ гдѣ-нибудь, побѣдителями остаются лишь сильныя натуры. А въ этой борьбѣ приходилось сражаться со всѣмъ, что только можетъ выдвинуть въ бой соперничество, злоба и зависть.

Но, какъ говорилъ извѣстный писатель Делакруа: «Его корабль, избитый вѣтромъ и волнами, покрытый пѣною моря, не потерпѣлъ крушенія; рулемъ правила непреклонная воля, которая, не обращая вниманія на рваные паруса и сломанныя мачты, неуклонно держала курсъ къ хорошо намѣченной цѣли». Многіе питали къ нему враждебныя чувства. Люди не любятъ, когда къ нимъ относятся индифферентно и объясняютъ это лишь недоброжелательностью или лицемѣріемъ. Среда, въ которой онъ жилъ, давила его, но онъ былъ какъ желѣзный... и не поддавался, не признавая ни уступокъ, ни компромиссовъ. Къ общей досадѣ онъ жилъ вѣрнымъ себѣ и часто говорилъ, что если жизнь человѣка мо-

жетъ когда-нибудь претендовать на названіе „честной и достойной“, то это лишь въ томъ случаѣ, когда человѣкъ никогда не измѣняетъ тѣмъ мнѣніямъ и убѣжденіямъ, которыя въ немъ сложились и имъ защищались въ томъ лучшемъ возрастѣ, когда онъ впервые зрѣло разсуждалъ, мыслилъ и выбиралъ. Даже тѣ, которые оспаривали его талантъ, никогда не отрицали его характера.

Я уже около 2-хъ лѣтъ ходилъ къ нему заниматься, когда случился эпизодъ, который я рассказываю.

По обычаю Брюссельскихъ адвокатовъ того времени, онъ мало занимался съ помощниками, онъ былъ съ ними молчаливымъ и смотрѣлъ на нихъ какъ бы съ сомнѣніемъ. Чтобы оправдаться въ такомъ обращеніи, онъ шутливо говорилъ, что разумные адвокаты берегутъ свое краснорѣчіе для процессовъ, и страхъ его растратить попустому заставляетъ быть молчаливымъ.

Въ моемъ 22-хъ-лѣтнемъ ясновидѣніи я усмотрѣлъ въ немъ ко всему его окру-

жающему—какую то аристократическую брезгливость, иногда проявлявшуюся довольно рѣзко. А между тѣмъ, говоря объ адвокатурѣ и о всемъ съ ней связанномъ, онъ высказывался въ самыхъ возвышенныхъ выраженіяхъ и всегда со страстностью и увлеченіемъ, доказывавшимъ его приверженность къ этой дѣятельности. Но говоря о профессіи, онъ никогда не употреблялъ въ этихъ бесѣдахъ настоящаго времени: или онъ говорилъ въ прошедшемъ, какъ о чемъ-то минувшемъ, и рѣчь его была печальна—или онъ говорилъ о томъ, что будетъ въ будущемъ, и рѣчь его блистала плѣнявшей меня надеждой.

Я былъ безконечно увлеченъ этой натурой, въ которой сила, благородство и что то таинственное производили на мой умъ, жадный до всего оригинальнаго, чарующее впечатлѣніе.

Интересный и увлекательный, онъ и привлекалъ меня къ себѣ и смущалъ. Онъ былъ для меня постояннымъ предме-

томъ наблюдений, загадкой, и гдѣ бы онъ ни былъ, въ кабинетѣ, или на кафедрѣ, я не спускалъ съ него глазъ, я не пропустилъ мимо ушей ни одного его слова. Я отдавалъ дань этому, часто случающемуся въ судѣ, явленію подчиненія и восторженнаго, невольнаго подражанія и, не замѣчая этого, подражалъ его походкѣ, его жестамъ, его вибраціямъ голоса и какъ-бы заразился его свойствами. Онъ не могъ не замѣтить моего новаго культа, а такъ какъ онъ признавалъ за мной и трудолюбіе, и привычку къ порядку и пунктуальность, которыя онъ во мнѣ часто одобрялъ, то и самъ привязался ко мнѣ, и я занялъ при немъ положеніе любимаго стажіера. Вотъ какъ незамѣтно подготовилось то, что я сейчасъ опишу.

Это случилось, какъ помнится, въ одну изъ субботъ апрѣля мѣсяца X, который выступалъ по дѣламъ почти ежедневно, только что кончилъ въ апелляціонной камерѣ процессъ *Separation de corps*, проигранный въ первой инстанціи, и только